

К вопросу о грамматикализации страдательных причастий прошедшего времени в старорусском языке

© 2023

Мария Вадимовна Ермолова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

maria-anna2121@yandex.ru

Аннотация: В статье на материале Вестей-Курантов и грамоток XVII — нач. XVIII в. рассматривается употребление страдательных причастий прошедшего времени в претеритном значении без глагола-связки, несвойственное современному литературному языку, а также предлагается грамматическая интерпретация такого функционирования анализируемых форм. При перестройке старой временной системы страдательные причастия начинают грамматикализировываться и превращаться в специализированную форму, имеющую претеритное значение и не нуждающуюся в указании на субъект действия. Различные типы конструкций со страдательными причастиями в такой функции (с причастием, согласуемым с объектом, стоящим в несогласуемой форме ср. р. и употребленным безлично или при объекте в Им./В. п.) являются проявлениями разных ступеней процесса грамматикализации, не осуществленного до конца в истории русского языка, но достигшего финальной стадии в польском.

Ключевые слова: время, имперсонал, причастия, прошедшее время, старорусский язык

Для цитирования: Ермолова М. В. К вопросу о грамматикализации страдательных причастий прошедшего времени в старорусском языке. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 47–64.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.47-64

On the grammaticalization of past passive participles in Middle Russian

Maria V. Ermolova

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; maria-anna2121@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the functioning of past passive participles (PPPs) in the preterit meaning used without auxiliary in seventeenth-century Russian on the data of private letters and the first Russian handwritten newspaper *Kuranty*. A grammatical interpretation of this use is proposed in the paper. In the course of the evolution of the old temporal system, the PPP started grammaticalizing and became a specialized form with preterit meaning and no obligatory expression of the subject. Different types of constructions with a PPP in this function (the PPP agrees with the subject or appears in the neuter form, the direct object being nominative or accusative) reflect different stages of the grammaticalization process, which was not accomplished in the history of Russian, but did reach the final phase in Polish.

Keywords: impersonal, Middle Russian, participles, past, tense

For citation: Ermolova M. V. On the grammaticalization of past passive participles in Middle Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 47–64.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.47-64

1. Вводные замечания

Исследователи не раз обращали внимание на особое употребление страдательных причастий прошедшего времени (далее СППВ) в старорусский период. Речь идет об их употреблении при указании на действие, совершенное в прошлом, без глагола-связки, т. е. о тенденции «сближения семантики [страдательной] причастной формы с семантикой форм, обладающих аористным значением» [Болсохоева 1977: 13]. В большей части работ, однако, данное явление лишь констатируется и не находит грамматического объяснения.

В настоящей статье анализируется обсуждаемое употребление СППВ на материале Вестей-Курантов 2-й половины XVII в. и грамоток (частных писем) XVII — нач. XVIII в., а также предлагается его грамматическая интерпретация: при перестройке старой временной системы СППВ начинают грамматикализовываться и превращаться в специализированную форму, имеющую претеритное значение и не нуждающуюся в указании на субъект действия. Такая грамматикализация СППВ происходила во всех языках восточнославянской группы, а также в польском. Если в истории русского языка этот процесс не был завершен, то в польском он достиг финальной стадии, результатом которой являются несогласуемые формы на *-no/-to-*, объект при которых ставится в В. п.

Статья состоит из четырех частей. Во второй части рассматривается история вопроса; третья представляет собой анализ исследованного языкового материала; в четвертой, теоретической, части дается грамматическое объяснение рассматриваемым языковым фактам с привлечением инославянского материала. В конце формулируются выводы.

2. История вопроса

В научной литературе не раз указывалось на то, что с конца XVI в. в языке начинает появляться значительное количество примеров, в которых СППВ без связки употребляется в аористном значении, для обозначения действия, «целиком отнесенного к прошлому» [Борковский (ред.) 1968: 42]. Конструкции с таким использованием СППВ можно разделить на пять типов.

Первый тип составляют случаи, в которых причастие согласуется с объектом действия, который стоит в Им. п. Ср. примеры: *запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное осталось* (Аввакум. Житие, с. 73); *и образцы свидетельствуют, что многія монархи земли королевства и города беспрестанно ратным строем осилъны и содержаны* (Учение и хитрость ратного строения, с. 36); *понеже бо слышахъ отъ нѣкихъ людей, что тотъ Мнишекъ Юшко былъ в Риму Латынскій мнихъ, и сверже съ себя мнишескій образъ и бысть бѣлецъ, и воеводою поставленъ во своей отчинѣ, яко же и Гришка Отрепьевъ* (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 722) [Там же: 40]. В подобных контекстах СППВ обозначает, что «действие просто имело место в прошлом» [Никифоров 1952: 319]. В современном языке при СППВ в аналогичных контекстах мы должны были бы употребить связку *был, -а, -о, -и*: сейчас «для обозначения отдельных эпизодов в цепи происходящих одно за другим событий последовательно используется претерит на *-н, -т*» (т. е. причастие в сочетании со вспомогательным глаголом в прошедшем времени) [Князев 2007: 515]. Отступление от этого правила возможно лишь при переходе к настоящему историческому и в еще некоторых специфических случаях (подробнее см. [Там же: 515–519]). Аористное значение причастного сказуемого «подтверждается контекстуальным окружением его глагольными сказуемыми в прошедшем времени», «на отнесение действия в прошлое указывают также слова, обозначающие время совершения действия: *иногда, на той же годинѣ, месяца сеньтебра* и т. п.» [Борковский (ред.) 1968: 42]. Тенденцию «сближения семантики [страдательной] причастной

формы с семантикой форм, обладающих аористным значением» в XVI–XVII вв. отмечает и [Болсохоева 1977: 13].

Важно отметить, что и здесь, и в следующих типах контекстов мы имеем дело с явлением, отличным от диалектного т. н. «нового» перфекта на *-н/-т-*, где (от)причастная форма имеет результативное значение. Кроме семантического критерия, это доказывается и формальным — наличием в обсуждаемых контекстах глаголов с имперфективными суффиксами *-ва-* и *-а-*, основным значением которых в XV–XVII вв. было значение общефактического прошедшего (при котором действие обозначается «как факт, локализация которого во времени несущественна»¹ [Шевелева 2016: 78]), ср.: *Царь... спросил Власка: в подписке еси поиман бывал ли и у неделичка еси сиживал и ножем, сидячи у него, резывал ли?* (Акты юридические, 125) (пример из [Никифоров 1952: 177], подробнее см. [Шевелева 2016]). Такие имперфективы широко используются в форме СППВ: *Денги имъ (мастерам) даваны на рукодѣлье напередъ, по рублю, по два... и больше, а многи были чмуты и бражники* (Домострой, 153) (пример из [Ломтев 1956: 200]); *И всего з записных с служилых кабал, что записываны в Великом Новгороде марта с 1-го числа 108-го году да по сентябрь по 1-е ж число 109-го году, пошлинных денег восм рублев...* (Новгородские кабальные книги — РИБ т. 15, 78); *Которая старая известъ у ломаных у ближних мечетей обивана с кирпичю, и та будто известъ в городовое дело пополам с новою известью пригодится* (АИ т. I, 439) (примеры из [Никифоров 1952: 318–319]; см. также [Булаховский 1958: 237] и примеры в следующих типах контекстов). Т. П. Ломтев отмечает широкое употребление СППВ несовершенного вида в старорусском языке, рассуждая об их специфике следующим образом: «Сочетания с страдательными причастиями несовершенного вида в сказуемом вроде “поле засевано” стали заменяться частью конструкциями с действительным глаголом в сказуемом вроде *поле засевали*, частью конструкциями с возвратною формою глагола в сказуемом вроде *поле засевалось*», — в данном комментарии исследователь по сути выделяет два фактора, способствующих употреблению СППВ: общефактическое значение глагольной формы и отсутствие указания на деятеля.

Во втором типе конструкций объект принимает форму Р. п., если действие направлено на «неопределенное количество вещества или предметов» (причастие в таком случае имеет форму ср. р.) [Никифоров 1952: 324], ср.: *Да едучи к Москве и с Москвы... покупано овса и сена..., и мази тележной покупано, два рубли шесть алтын* (Приходо-расх. кн., 179).

В третьей группе при СППВ в форме ср. р., являющемся главным членом безличного предложения, объект отсутствует. При этом причастие могло быть образовано как от переходных, так и от непереходных глаголов, ср. примеры из [Там же: 323]: *Добрые люди во всем верили, и zde, и иноземцы, никому ни в чем не сылыгивано ни манено ни пересрочено* (Домострой, 68); *да от тое березы ехано вдоль по полю сохою да приехано к березе, а на ней грань* (Арзамасские акты, 18).

Четвертый тип составляют конструкции, в которых объект стоит в И. п., а причастие — в несогласуемой с объектом форме ср. р., ср. из [Там же: 321]: *И земля, и пожни, и всякие угодыя не делено и не межевано по их любви по челобитью* (Арзамасские акты, 142).

В пятой группе объект при причастии ср. р. стоит в форме В. п. Данный тип исследователи иллюстрируют в основном примерами из сочинений князя А. М. Курбского (см., например, [Борковский 1968: 174]), которые М. Мозер справедливо (принимая во внимание отъезд князя в Польшу и наличие подобной конструкции в польском языке) считает полонизмами [Mosier 1998: 336–342]. Как будет показано ниже, можно утверждать, что такой синтаксис, вопреки мнению Мозера, в принципе мог быть свойственен старорусскому языку и является результатом грамматических процессов, происходивших непосредственно в истории русского языка, а не калькой польских конструкций.

Вплоть до начала XIX в. «употребление страдательных причастий прошедшего времени без вспомогательного глагола в значении не только перфектном, но и аористном»

¹ Подробнее об этом значении см. [Гловинская 1982: 120; Падучева 1996: 41–42].

является «наиболее яркой чертой, характеризующей страдательный оборот» [Кузнецов 1950: 160], ср. два из многочисленных примеров, которые исследователь приводит из творчества М. В. Ломоносова: *Святовиду честию следовал Прове, или Проно, особливо у вагрских славян; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли **расставлены** до тысячи идолов с двумя, тремя лицами и больше; ...некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделясь, для добычи бегали порознь, попали в руки некоторым римлянам. **Связаны и вопрошены**, для чего славенское войско за Дунай переправилось? — с уверением ответствовали, что пришли с тем намерением, дабы взять Солунь и окрестные его города* (из «Древней Российской истории»). Эту же особенность в употреблении СППВ отмечает и [Булаховский 1954: 323–325]. Е. В. Падучева в отношении начальной фразы стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» («— Скажи-ка дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу отдана?») пишет, что «сейчас надо было бы сказать *была отдана*» [Падучева 2004: 498].

Хотя многие исследователи пишут о рассматриваемом использовании СППВ, причины этого явления в научной литературе практически не комментируются.

Анализируя тексты XVIII в., П. С. Кузнецов видит причину обсуждаемых особенностей синтаксиса причастий в поддержке «латинского языка, международного научного языка того времени, употреблявшегося в течение длительного времени и как язык дипломатический, хорошо знакомого многим нашим писателям XVIII века и более ранних эпох» [Кузнецов 1950: 163]. Как, однако, было показано выше, такое использование СППВ становится характерным для языка уже XVI в., в текстах, далеких от латинского влияния. Сам П. С. Кузнецов отмечает, что обсуждаемое явление встречается и, например, у Сумарокова, «вообще далекого от латыни», и что «известные предпосылки для возможного распространения форм страдательного причастия без вспомогательного глагола мы находим в нашей письменности допетровской эпохи, поскольку некоторые памятники XVI–XVII вв. обнаруживают колебания в употреблении страдательного причастия с настоящим временем вспомогательного глагола (или, чаще, без него) и того же причастия с прошедшим временем вспомогательного глагола» [Там же: 163]. Следовательно, причину аористного употребления СППВ без связки следует искать в особенностях исторического развития собственно русского языка. «Употребление исследуемых причастий в функции аориста (...) продолжает начавшуюся еще в XVI в. экспансию их использования, которая была обусловлена (...) внутриязыковыми, а не экстралингвистическими причинами» [Кунавин 2014: 33–34], которые Б. В. Кунавин видит в неустойчивости положения пассивного перфекта в глагольной временной системе и утрате старых форм прошедшего времени [Там же]. Исследователь недостаточно подробно комментирует свое предположение, однако, как кажется, оно в какой-то степени пересекается с предлагаемой в данной статье гипотезой: представляется, что обсуждаемое использование СППВ связано с формированием в языке новой грамматической формы, имеющей значение нейтрального прошедшего времени и не указывающей на деятеля (что, безусловно, является следствием перестройки старой временной системы), а также с возможностью СППВ, как любого причастного образования в истории русского языка, использоваться финитно (подробнее см. раздел 4).

3. СППВ в Вестях-Курантах и грамотках кон. XVII — нач. XVIII в.

Вести-Куранты и грамотки кон. XVII — нач. XVIII в. дают богатый материал для анализа аористного употребления СППВ.

Вести-Куранты (далее ВК) — первая русская рукописная газета, которая начала издаваться в 1621 г. для царя Михаила Федоровича и боярской думы и издавалась до 1702 г.

Газета была переводной, отбор сообщений и переводы выполнялись в Посольском приказе. В настоящей статье приводится материал из ВК по изданию [Вести-Куранты 1996]², охватывающему 1651–1652, 1654–1656 и 1658–1660 гг. и включающему в себя в основном переводы с немецкого, шведского, голландского, английского языков³ (см., например, [Maier 1997: 90]). Переводы ВК достаточно свободны, у переводчика нет задачи создать перевод, максимально близкий оригиналу. Его цель — передать содержание переводимого текста в понятной форме [Там же: 90]. Тексты в большой степени отражают живой язык того времени [Там же: 83–90], поэтому по ним мы можем делать определенные выводы о процессах, происходивших в русском языке XVII в.

Тексты грамоток (далее Гр.) воспроизводятся по изданию [Грамотки 1969], представляющему собой собрание частных писем кон. XVII — нач. XVIII в. По этим письмам, представляющим собой переписку родственников, знакомых, крестьян с помещиками, торговых приказчиков с хозяевами и, в меньшей степени, представителей духовенства, можно судить о живом языке того времени. Грамотки служат значительной базой для исследования «глубинного, протекавшего в народно-разговорной сфере процесса формирования свойственных национальному языку синтаксических отношений» [Котков 1964].

В настоящем разделе будут разобраны типы контекстов, встретившиеся в рассмотренных памятниках. В 3.1 анализируются примеры с СППВ, образованными от вторичных имперфективов, в 3.2 — конструкции, в которых СППВ согласуется с объектом, в 3.3. рассматривается безличное употребление СППВ, в 3.4 — примеры, в которых СППВ стоит в форме ср.р., не согласовываясь по роду с объектом в Им.п., в 3.5 — контексты, когда при СППВ в ср.р. стоит объект в В.п. (или в омонимичной форме В.п./Им.п.).

3.1. СППВ, образованные от вторичных имперфективов

Отбор интересующих нас контекстов с СППВ в аористном значении осложняется тем, что в ряде случаев трудно отличить употребление СППВ без связи в аористном значении от СППВ без связи в результативном значении, ср. ВК с. 124: *...и ншему воискѸ приказано против свѣискихъ во всем орѣжси ийти* — в данном случае из контекста не ясно, имеется ли в виду «нашему войску приказали ийти против шведов во всеоружии» или «нашему войску приказано» (и приказ действует до сих пор). О сосуществовании в текстах аористных контекстов с результативными и необходимости отличать одни от других пишут практически все исследователи функционирования СППВ ([Кузнецов 1950: 125 и сл.; Никифоров 1952: 311 и сл.; Борковский (ред.) 1968: 39–40] и др.). Естественно, необходимо смотреть на контекст, на окружающие глагольные формы. Например, если мы имеем дело с обозначением «отдельных эпизодов в цепи происходящих одно за другим событий», то перед нами претеритное значение [Князев 2007: 515] (о других критериях см. [Там же: 515 и сл.]). Однако, как было показано выше, однозначно определить тип употребления СППВ исходя из контекста не всегда возможно.

² Текст передается по указанному изданию, однако без специального выделения выносных букв.

³ Переводчиками в польском приказе служили как русские, так и приезжие из Юго-Западной Руси и западноевропейских стран. Для анализа интересующего нас материала важно, могли ли рассматриваемые тексты при создании испытывать влияние польского языка. Как показано в [Беляков и др. 2019: 188–209], выходцы из Литовской Руси и поляки занимались в основном переводами с польского и латинского языков, т. е. вряд ли они имели отношение к анализируемым переводам. Кроме того, данные Вестей-Курантов совпадают с материалом грамоток, что дает основания судить по текстам Вестей-Курантов о процессах, происходивших в русском языке. Как отмечается в [Maier 1997: 83], тексты ВК отражают влияние польского языка в той степени, в какой его в принципе испытывал московский язык в XVII в., т. е., прежде всего, в лексике.

Еще одним формальным признаком аористного употребления является использование глаголов с имперфективными суффиксами *-ва-* и *-а-* (см. выше в разделе 2), основным значением которых было общефактическое. Контексты с ними встретились и в ВК и Гр. Приведем их:

- (1) ВК с. 29...*нѣкоторых камисаровъ выслалъ которыи с великополскими назначенными сыскивать имѣют жалобы которые **подаваны** на жолнеров, и для того нѣсколько позвов **высланы***

— если бы не использование вторичного имперфектива, в данном случае было бы не очевидно, в каком значении употреблено причастие: ‘выслали некоторых комиссаров, которые... должны расследовать жалобы, которые **подали** (поданы?) на солдат, и из-за этого **послали** (послано?) несколько повесток в суд’. Т. к. перед нами газетная статья, вполне можно было бы предположить результативное употребление, однако способ образования глагола однозначно свидетельствует о том, что перед нами причастие в аористном значении;

- (2) ВК с. 31 *Цесарева невѣста въ ншего посла Моресина какъ ана ꙗхала через Виницѣиской Ѣздъ до Трентсково Ѣздѣ безденежно и бес платежѣ **потчивана** по полскому Марецинскомѣ велѣню*

— ‘царскую невесту... бесплатно **угощали** по посольскому велению’;

- (3) Гр. с. 10 (Часть рыбы испортилась, а другая...) *которая в то ж время от воеводы **посылана** пишуѣт что дошла добра*

— рыба, ‘которую в то время **послали** от воеводы, пишут, дошла в хорошем состоянии’;

- (4) Гр. с. 20 *той рыбы Лариону Дмитриевичю **посылано** четыре осетра и он взял толко два а дву не взял*

— ‘(из) рыбы этой Лариону Дмитриевичу **послали** четырех осетров, а он взял только двух, а двух не взял’. Обратим внимание, что объект при причастии стоит в Р. п. — *той рыбы*; то же наблюдаем в примерах (5–6):

- (5) Гр. с. 113 *а данных днѣ **не плачивано** годовѣ с пят*

— ‘а денег **не платили** лет пять’. Здесь объектом в Р. п. является неисчисляемое слово *денег*, однако постановка Р. п. в данном случае может быть вызвана не только неисчисляемостью существительного, но и наличием отрицания (частицы *не*);

- (6) Гр. с. 122 *а гсдрва жалованя денег мне не дано ни копейки тем **давано** жалованя за кем по переписным книгам нет дватцати дворов а болии дватцати дворов и тем не дано жѣ а **давано** жалованя по десети рѣблевѣ*

— ‘а государева вознаграждения мне ни копейки не дали. Тем **дали** выплату, за кем по переписным книгам числится не больше двадцати дворов. А у кого больше двадцати дворов, тем не дали; а выплату **сделали** по десять рублей’. Неисчисляемое существительное *жалованье* в позиции объекта дважды ставится в Р. п. Интересно, что в отношении тех, кто не получил выплаты, пишущий дважды использует форму, образованную от глагола СВ *дати*, в отношении получивших деньги — форму, образованную от имперфектива *давати*. По всей видимости, *дано* имеет результативное значение: пишущий относится к тем, кто остался без вознаграждения, его отсутствие выплаты касается напрямую; то же, что другие деньги получили, является просто фактом, поэтому для описания этого используется причастие, образованное от имперфектива;

- (7) Гр. с. 124 *Ѣ генваре мѣе **присылан** крестьянин дрвни Истопакъ Ромашѣка староста*

— ‘в январе месяце **прислали** (присылали) крестьянина, старосту деревни Истопака Ромашку’. О том, что мы имеем дело именно с аористным контекстом, свидетельствует

способ образования глагола. В данном контексте, как и во многих последующих, есть указание на время совершения действия («8 генваре», с которым перфект в большей части языков не сочетается (см., например, [Князев 2007: 510]). Однако в русском языке наличие обстоятельства времени не является запретом для употребления перфектной формы. Так, русский пассивный перфект на -н, -т с такими обстоятельствами употребляться может, ср.: *И тут я часто вспоминаю Игора Неждаева, и мне становится совестно перед ним за свое тогдашнее неверие и хочется извиниться перед ним; но некуда идти с повинной: Игорь **убит** на войне в 1943 году* (В. Шефнер. Имя для птицы) [Там же: 504, 510–514]. Таким образом, считать их формальным доказательством употребления СППВ в аористном значении, а не перфектном, нельзя;

(8) Гр. с. 171 *а под пушки гсдрь колеса **покупаны** в черкасских городѣх*

— ‘а для пушек, государь, колеса **купили** в черкасских городах’;

(9) Гр. с. 213 *кто ту отпис писал такъ же **взят** в приказную палату и **розспрашиван** и подячеи сказал я де писал по слову Ивашка Казака и Ивашко Казакъ **допрашиван** же и в допросе сказал что...*

— ‘а того, кто эту записку дал, также **взяли** в приказную палату и **расспрашивали**, и подьячий сказал: «Я-де писал со слов Ивашки Казака, и Ивашку Казака **допрашивали**, и в допросе он сказал, что...»’;

(10) Гр. с. 217 *а **покупана** гсдрь та смола въ CS м году...у кого іменем і того в книгах не описаны і я к млсти твоеі гсдрь послал книги с сею же грамоткою покупные CS г году і что **роздаваны** старые конаты*

— ‘а **купили**, государь, ту смолу в 206-м году... у кого (купили), в книгах не описано, и я, к милости твоей, государь, послал с этой грамоткой покупные книги 206-го года, в которых сказано и о том, что **раздали** старые канаты’;

(11) Гр. с. 218 *а днѣз гсдрь в Нижнемъ у млсти твоеи ни копейки нѣт которые гсдрь и подрядилис иным до изправы **давано***

— ‘а денег, государь, в Нижнем у милости твоей ни копейки нет, кто-то нанялся на работу, другим **отдали** по суду’.

С. Д. Никифоров выделяет употребление СППВ, образованных от вторичных имперфективов, в отдельную группу: «...краткие страдательные причастия, образованные суффиксом *ва*, а также суффиксом *а* от корня с гласным *ы* или *и* (чередующимся с нулем гласного из древнего *ъ* или *ь* в слабом положении) обозначают, что действие просто имело место в прошлом» [Никифоров 1952: 319], т. е., иными словами, имеют значение общефактического прошедшего [Шевелева 2016].

3.2. Согласованные конструкции

Рассмотрим конструкции, в которых причастие согласуется с объектом действия, стоящим в Им. п. В статье приводятся только те контексты, в которых СППВ однозначно имеет аористное значение и в которых исключена возможность толкования СППВ как результативного. Кроме уже рассмотренных примеров (1–3, 7–10), это следующие:

(12) ВК с. 13 *тѣ два шведские полки которые в Бременском **дѣзде** в прошлом овторнике **смотрены** и тѣ в среду вечеромъ шли через город Олденбѣркъ к городу Висмеру*

— ‘те два шведских полка, которые **были на смотре** (были осмотрены) в Бременской области в прошлый вторник, те в среду вечером пошли через Ольденбург к Висмару’;

- (13) ВК с. 59 ... *такъ что онъ приневолен сталъ от них боронитца и стоялъ какъ доброй салдат покамѣсто карабль тонѣтъ сталъ и погрѣз и одва онъ и люди ево в сѣдно ѡскачили онъ самъ былъ в трех мѣстехъ тремя пѣлками раненъ а людеи ево КЕ члвкъ до смрти **ѡбиты** а иные **раняны** и в том сѣдне ихъ аглинские люди всяли и в Вюнсъ повезли*

— ‘так что он был вынужден от них защищаться и стоял, как хороший солдат, пока корабль не стал тонуть и не потонул, и еле он со своими людьми успел сесть на судно. Он сам был в трех местах ранен пулями, а из его людей 25 человек **убили** (были убиты), а других **ранили** (другие были ранены). И на этом судне их взяли англичане и повезли в Даунс’;

- (14) ВК с. 91 *а ноября въ КВ де сочи мы в Кокелстиле и в Блаквале болиши четырехсот седминатцати карабле которые от галанцовъ **взяты** и оттого агличаня таковы горды стали что и писат было нѣлсе а нне то переменилося*

— ‘а 22-го ноября мы насчитали больше 417 кораблей, которые голландцами **были взяты**, и из-за этого англичане так возгордились, что и не описать, а теперь все переменялось’;

- (15) ВК с. 94 *Кардинала Масарина до Десира проводил марешал ТѢренскои а там его маркисъ де Оувели да гсднѣ Камплатер которые от короля к нему встрѣчу **посланы** честно встрѣтили королевским именемъ...*

— ‘кардинала Мазарини до Д. проводил маршал Тюренн, а там его маркиз де Ф. да го-сподин К., которые к нему навстречу **были посланы** королем, честно встретили от королевского имени’;

- (16) ВК с. 112 *и на корѣну Полскѣю великою силою настѣпил и по том многая крѣстьянская кров **пролита**. И многие богатые земли и города до конца **разорены** и после того та страшная [война] нашего города мимо не обошла*

— ‘и на корону польскую посягнул с большим войском, и потом **было пролито** много христианской крови. И многие богатые земли и города до конца **разорены были**, и после этого эта страшная война и нашего города мимо не обошла’. Здесь используется наречие «потом» (или сочетание местоимения с предложением «после этого»), которое указывает на то, что перед нами цепь последовательно происходящих друг за другом событий, а следовательно, на то, что причастия употреблены в претеритном значении — использование перфекта в таком контексте невозможно (см., например, [Маслов 1959: 281–282]);

- (17) ВК с. 117 *ныне болиши **П** болныхъ ле[жат] і которые здоровые болнымъ не могѣтъ помочь ѡчинити и мертвыхъ всѣхъ н[е] [могут] погрест[и] иноземка жонка **поймана** і ѡ неи портежное селе сыскали, и тоѡ жонку тѣмъчасъ и ѡбили и на мѣлкие части розсѣкли*

— ‘сейчас больше 80 тысяч больных лежат, а те, кто здоров, не могут помочь больным и мертвых всех похоронить. **Поймали** женщину-иноземку, нашли у нее колдовское зелье, и эту женщину сразу и убили и на мелкие части разрезали’. Т. к. после того, как женщину поймали, ее убили, очевидно, что форма «**поймана**» не имеет значения сохраняющегося результата. Кроме того, в этом контексте, как и в предыдущем, мы имеем дело с последовательным изложением событий: женщину поймали, потом нашли зелье, потом ее убили и разрезали;

- (18) ВК с. 120 *Недавно свѣиские люди конные Х члвкъ из города Торна **приказаны** чтоб под полковника Чобола да ротмистра Вестемголца люди 3 миль от презж помянѣтого города Торна наступит а тѣ ѡж про то ѡвѣдали і посылали о помочи к гсдну ротмистрѢ Генеману котороі і свою реітарскую ротѢ и дрѢгѢю драгѢнскую ротѢ **приѣхал** і такъ они вмѣсте неприятатеи [Так в ркп.] воротили*

— ‘недавно 60 конным шведам **приказали** наступить на полковника Ч. и ротмистра В. ..., а те про это узнали, послали за подмогой к ротмистру Г., который приехал со своей рейтарской и другой драгунской ротами, и вместе они неприятелей отбили’. Перед нами опять нарративная цепочка, в которой причастием выражается первое в ней действие. Последствия приказа наступать потом аннулируются (т. к. атаку отразили), поэтому о сохраняющемся результате речи идти не может.

Переходим далее к материалу грамоток:

- (19) Гр. с. 15 *знатно что рыба. **послана** самая добрая толко от лѣтнего времени и от далнего пѣти поиспортилас*

— ‘известно, что рыба **была послана** самая хорошая, но из-за летнего времени и дальнего пути испортилась’. Очевидно, что причастие употреблено в претеритной функции: из-за того, что рыба в пути испортилась и действие, выраженное причастием, перестает быть актуальным, в современном литературном языке необходимо было бы употребить глагол-связку в прошедшем времени;

- (20) Гр. с. 16 *в сентябрѣ в послѣднихъ. числех был на Москвѣ Роман племянникъ і писмо из домѣ твоего привез и то писмо **послано** к тебѣ наперед сего с Василием Кудриным*

— ‘в последних числах сентября в Москве был племянник Роман и привез из твоего дома письмо, и это письмо **отправили** / **было отправлено** к тебе до этого [письма] с Василием Кудриным’. «*Наперед сего*» — свернутая пропозиция; имеется в виду: «...до того, как отправили это письмо». Таким образом, мы здесь имеем дело с изложением последовательных событий (сначала отправили письмо с Романом, потом — с Василием), из которых причастием выражается первое, следовательно, причастие употреблено в претеритной функции;

- (21) Гр. с. 23 *он хотел было ее к тебѣ сослат да знатно что не сослал или і послал да **не доведена***

— ‘он хотел тебе ее [грамотку] послать, но, видимо, не послал или послал, но ее **не довели** / она **не была доведена**’. Здесь, как и выше, перед нами нарративная цепь: хотел послать грамоту, послал, но [после того, как он ее отправил] ее не довели;

- (22) Гр. с. 130 *сентября ж гсдрѣ въ SI де **прислан** ѿт великого гсдрѣ ис троецкого походу к Москвѣ боярин Иван Михайлович Милославской и по гсдрѣу указу было у боярь сидене и приговорили послат...*

— ‘16-го сентября, государь, **прислали** от великого государя из троецкого похода в Москву боярина Ивана Михайловича Милославского, и по государеву указу было у бояр заседание и постановили послать...’. Далее следует длинное повествование, И. М. Милославского посылают с заданием из Москвы, поэтому СППВ выражает, совершенно определенно, аористное, а не результативное действие. Кроме того, мы опять имеем дело с последовательным изложением событий: сначала боярина прислали, потом было заседание, на заседании приняли решение;

- (23) Гр. с. 181 *котор[ая] **взята** у него грамота из Нижнег прикащикъ ево повез не въ-домо какъ утерялас*

— ‘грамота, которая **была взята** у него из Нижнего (приказчик его повез), неизвестно как потерялась’. Действие, выраженное причастной формой *взята*, предшествует действию *утерялась*, поэтому в современном языке необходимо было бы при СППВ употребить глагол-связку в прошедшем действии.

3.3. СППВ как сказуемое в безличном предложении

Рассмотрим контексты с безличным употреблением СППВ, в которых отсутствует объект. Кроме (11), это следующие два контекста из ВК:

- (24) ВК с. 78 *Потом гсдамъ казенные коморы из вышегорода ровной и писменою ѿказ от его королевского величества прииол чтоб имъ из города идти и потомъ уложено чтоб впредь грамотъ от короля не разтворят покамѣста кардинал во Францужской землѣ*

— ‘потом господам пришел письменный указ от его королевского величества, чтобы им уйти из города, и потом **было постановлено**, чтобы впредь грамоты от короля не распечатывать, пока кардинал во Французской земле’. Употребление наречий *потом*, а также формы прошедшего времени *прииол* указывает на то, что перед нами нарративная цепочка, в которой глагольные формы, в том числе и СППВ, используются в аористном значении: *потом пришел указ, потом постановили, что...*

- (25) ВК с. 104 *Здѣс иных вестей нѣтъ опричь того что свѣиские люди всѣ побиты какъ преж о том писано...*

— ‘Здесь других вестей нет, кроме того, что шведы побиты, как раньше уже **писали** / **было написано**’. Для формы *побиты* можно предполагать и результативное значение, в то время как причастие *писано* однозначно употреблено в претеритном значении, на что указывает наречие *преже*.

3.4. СППВ в форме ср. р. при объекте в Им. п.

В связи с тем, что у слов мужского неодушевленного и среднего родов, а также женского рода *ї-склонения формы Им. и В. п. совпадают, с уверенностью определить падеж мы можем только для слов мужского одушевленного и женского родов *ā-склонения. Лишь один пример из обработанных источников может быть однозначно идентифицирован как контекст с Им. п.:

- (26) Гр. с. 101 *Братецъ Федор Василевичъ купил ты мерина у Федора Невелскова рыжа а тот меринъ нашъ украдена на Чюхлومه и тебѣ продана*

— ‘Братец Федор Васильевич, купил ты рыжего мерина у Федора Невельского, а это нашего мерина **украли** в Чухломе и тебе **продали**’ (в написании в СППВ на конце *а* вместо *о* отражается аканье). Мы имеем дело со словом мужского одушевленного рода, у которого В. п. омонимичен с Р. п., а не с Им. п. Показательно, что после формы *купил* стоит форма В. п. *мерина*, в то время как после СППВ — Им. п. *мерин*. Причастные формы здесь обозначают последовательные действия (сначала украли, затем продали), что свидетельствует о том, что они употреблены в аористном значении.

Контексты с омонимичной формой Им./В. п. рассматриваются в следующем разделе.

3.5. СППВ с объектом в В. п.

Как уже было сказано в разделе 2, примеров с употреблением СППВ в форме ср. р. с объектом в В. п. в русской письменности зафиксировано мало. Большая часть примеров, приводимая в [Кузнецов 1948: 38; Борковский 1968: 174], приходится на сочинения князя

Курбского, чей язык не мог не испытывать влияния польского. Примеры из других источников (кроме упомянутых работ, см. [Булаховский 1958: 236–237]), как разбирает [Moser 1998: 336–342], также не являются достоверными: форма существительного, обозначающего объект, может быть истолкована и как Им. п. (однозначно говорить о В. п. мы можем только в отношении существительных ж. р. или одушевленных существительных м. р.) (подробнее см. [Там же]). Единичные случаи, в которых М. Мозер подтверждает употребление именно В. п., исследователь объясняет полонизмами.

Проанализированный материал позволяет пополнить скудный список контекстов, в которых при форме СППВ ср. р. объект стоит в В. п., еще двумя, что позволяет предполагать наличие подобной конструкции в истории русского языка. Рассмотрим примеры:

- (27) ВК с. 25 *и в тѣ поры мочно ѿ него выведать бѣдет ли торговымъ людемъ платежъ са тоѣ шкодѣ что ѡчинено от его короля и от принца Роберта*

— ‘и в это время можно у него узнать, будет ли людям выплата за тот ущерб, который нанесли король и принц Роберт’;

- (28) Гр. с. 183 *рыбу мы гсдрѣ из малых судов до указу перегрузили в каюкъ в вязниковской а кровлю лубямы укрыто во всѣм гсдрѣ против твоего писма*

— ‘рыбу мы, государь, по твоему указу перегрузили в вязниковский каюк, а кровлю укрыли лубом; все, как ты писал’.

В приведенных контекстах не очевидно, что причастие употреблено в аористном контексте. Теоретически оно может быть истолковано и как результиativное. Такое употребление знают современные русские говоры с новым (от)причастным перфектом: *у его корову украто, ее мужа убито на войне, вас послано* [Кузьмина, Немченко 1971: 37]. М. Мозер считает, что такие перфектные конструкции с объектом в В. п. и конструкции с аористным употреблением СППВ с объектом в В. п. не имеют ничего общего и никак не связаны [Moser 1998: 336–337] (как будет рассмотрено в разделе 4, есть все основания полагать, что несмотря на различную семантику, появление объекта в В. п. в обоих типах конструкций обусловлено одинаковыми причинами).

Тот факт, что до и после СППВ в (27–28) употребляются глаголы в прошедшем времени, что рассматриваемые примеры находятся в середине больших повествовательных текстов, свидетельствует скорее в пользу претеритной интерпретации.

Кроме того, есть контексты, в которых СППВ однозначно имеет аористное значение, однако объект при нем будет в омонимичной форме Им.-В. п. Рассмотрим их:

- (29) ВК с. 26 *и принцовыхъ Е караблеи в ту порѣ на море потонѣли от стрелбы Г карабля сажгли а иные взятымъ взяты. а досталные убѣгомъ ѡшли и побили ѣ члвкъ и взято Ф пѣшекъ иные на корабли побрали. а иные и потонули на море*

— ‘и в то время 5 кораблей принца на море потонули, от огня загорелись 3 корабля, а другие **были взяты** штурмом, а оставшиеся спаслись бегством, и убили 700 человек и **взяли** 500 пушек, часть на корабли забрали, а часть потонула в море’. СППВ находится здесь в окружении глаголов в прошедшем времени и, очевидно, выражают действие такого же типа, что они — аористное. Первое причастие согласуется с объектом, второе употреблено в несогласуемой форме ср. р. Определить по формальным признакам, стоит ли словосочетание *500 пѣшекъ* в Им. или В. п., нельзя. Аналогичны следующие примеры:

- (30) ВК с. 47 *а которые корабли на последнемъ бою в Дюнсе всяма и соемные де люди их освободили*

— ‘а корабли, которые **были захвачены** на последнем бою в Даунсе, освободили члены парламента’. В написании *всяма*, за которым, очевидно, скрывается *взято*, мы имеем дело с отражением аканья. СППВ обозначает действие, которое отменяется последующими

действиями, поэтому в современном языке необходимо было бы употребить глагол-связку. Аналогичен следующий пример:

- (31) ВК с. 120 *а хотя гсдна ротмистра Генемана стандартъ ѿ сего бою **взято** однако і преж помянутой ротмистръ свої стандартъ отнюд не хотѣл покинуть и такою мѣрою оянт на неприятелеі настѣпилъ что ѿ нихъ оянт свои стандартъ отнял*

— ‘хотя зная господина ротмистра Генемана в этом бою **было захвачено**, упомянутый ротмистр совершенно не хотел терять свое знамя, и с такой силой наступил на неприятелей, что у них свое знамя отобрал’;

- (32) ВК с. 101 *тѣрки взяли город у Венгаров слывет Болиои Вардынъ с ѿѣздом і в ѿѣздахъ Д деревень а дворов бѣдет зъ ꙗС, а положено на нихъ дань на всякого двора на всякои год еѡимокъ мѣрка масла мѣрка меду да мѣрка овса да по возу сѣна...да цысарской посол послал к агленскому королю чтоб емѸ дать помочь против тѣрков*

— ‘турки взяли город у венгров Большой Вардын с областью, а в области 4 тысячи деревень, а дворов с 200 тысяч, и **наложили** на них дань на каждый двор каждый год: талер, мера масла, мера меда, да мера овса да по возу сена... и королевский посол послал к английскому королю, чтобы ему дали помощь против турок’. СППВ оказывается здесь в нарративной цепи: турки взяли город, потом наложили на него дань, потом венгерский посол обратился с просьбой к английскому королю;

- (33) Гр. с. 141 *По твоему гсдрѣ указу присылано к нам в розных числѣхъ указы вѣлено намъ ітти к тебѣ гсдрю в полкъ наскоро...*

— ‘По твоему, государь, указу **присылали** нам в разные числа указы, что велено нам немедленно идти к тебе, государю, в полк’. СППВ образовано от вторичного имперфектива, что служит формальным доказательством его претеритного употребления. Кроме того, обстоятельство в *розных числѣхъ* указывает на то, что действие повторялось, что также исключает результативную интерпретацию.

В отношении контекстов (29–33) мы можем с уверенностью говорить об аористном употреблении СППВ в качестве безличного предиката, при котором стоит объект в форме, омонимичной Им.-В. п. Для примеров же (27–28) можно констатировать наличие объекта в В. п., форма же СППВ может быть понята и как результативная, и как претеритная. Наличие лишь одного примера (26), в котором объект при СППВ может быть истолкован как стоящий исключительно в Им. п., при наличии двух «надежных» примеров с В. п. увеличивает вероятность того, что в контекстах с омонимичными формами мы имеем дело с В. п. Очевидно, что по формальным признакам доказать это нельзя. Представляется, что, вопреки [Moser 1998: 336–342], использование объекта и в Им. п., и в В. п. идет в рамках одного и того же пути грамматикализации СППВ, который обсуждается в следующем разделе.

4. Грамматическая интерпретация рассмотренного материала

Итак, можно констатировать, что в старорусский период становится нормальным употребление СППВ без глагола-связки в прошедшем времени в аористной функции (в древнерусском языке такие примеры единичны, см. [Ермолова 2021: 129]). Причастие выступает либо без объекта в форме ср. р. в качестве предиката безличного предложения, либо с объектом. В последнем случае преобладают конструкции, в которых причастие согласуется с объектом действия (*колеса покупаны*), реже встречаются примеры с причастием в форме ср. р., при котором объект стоит в Им. п. (*земля не делено*) или в В. п. (*кровлю*

укрыто) (в рассмотренных памятниках в большей части примеров мы имеем дело с объектом в омонимичной форме Им.-В. п.).

Представляется, что такое функционирование СППВ связано с перестройкой прошедших времен и формированием в языке нового грамматического значения нейтрального прошедшего времени. Любая причастная форма как сочетающая в себе изначально и атрибутивность, и предикативность могла «бороться» за обозначение этого нового значения. Как известно, новая форма единственного прошедшего времени образовалась из -л-причастия (хотя в определенный период нейтральное прошедшее время могло обозначаться и причастием на **ys*, ср. *И поць Никита Костяниновъ наряднымъ дѣломъ хотя его Бориса до смерти убиті, вышедъ на стрѣчу съ коломъ* (АМГ III, с. 554) [Кортава 1999: 141]). СППВ же получает более узкое значение — становится специализированной безличной финитной формой, которая используется в том случае, когда не нужно указание на субъект действия. В истории русского языка тенденция к формированию такой формы не была реализована до конца и постепенно сошла (сходит?) на нет (интересующие нас употребления СППВ есть, например, у Д. С. Мережковского [Егоров 2019; Ермолова 2021]). Тем не менее на основе имеющегося материала можно проследить стадии грамматикализации СППВ и его превращения в финитную форму:

1. СППВ, употребленное в аористном значении, согласуется с объектом действия, стоящим в Им. п.
2. СППВ, употребленное в аористном значении, стоит в несогласуемой форме ср. р. при объекте в Им. п.
3. СППВ, употребленное в аористном значении, стоит в несогласуемой форме ср. р. при объекте в В. п.

На второй стадии причастие начинает утрачивать свой атрибутивный характер, переставая согласовываться с объектом. Третья стадия — последний этап грамматикализации причастия. Оно становится окончательно финитным и начинает управлять именем как обычная глагольная форма. Где-то одновременно со вторым или третьим этапами, по всей видимости, в эту конструкцию включаются непереходные глаголы, которые, естественно, не предполагают при себе объекта (*А ведаешъ и самъ, что не богатствомъ жито с добрыми людьми, правдою да ласкою да любовию* Домострой, 69 [Никифоров 1952: 322–323]). Как было показано выше, в старорусском хорошо прослеживаются первый и второй этапы; примеры, иллюстрирующие третий этап, единичны. Выявить по письменным источникам все три стадии грамматикализации можно было бы, как предполагается, на старопольском материале⁴, т. к. в польском предполагаемый процесс был осуществлен полностью (см. ниже).

Обсуждаемый процесс грамматикализации начался примерно так же и в то же время, что и в русском языке, в украинском и белорусском языках (подробнее см. [Мова беларускай пісьменнасці 1988: 250; Борковский 1968: 170–179]). В белорусском эти формы сохранились только как реликты в говорах; в украинском они употребляются в претеритном значении и управляют В. п. (см. реферативный обзор в [Ермолова 2021]). Однако краткие формы СППВ в украинском языке могут употребляться и в результативном значении. Как указывается в [Wiemer, Giger 2005], украинские формы на -*no/-to*- «находятся между польским (претеритная, событийная функция) и (литературным) русским (скорее результативная функция)»⁵ [Ibid.: 63]. Синхронное описание грамматических значений (бывших) кратких СППВ в современном украинском языке отсутствует. Больше всего формы

⁴ Некоторые факты об истории формирования форм на -*no/-to*- в истории польского языка можно почерпнуть из работы [Kowalska 1991], однако материал старопольского языка нуждается в дальнейшем исследовании.

⁵ «...die ukrainische *no/to* Form <...> zwischen dem Polnischen (präteritale, ereignisbezogene Funktion) und dem (Standard)Russischen (eher resultativ) steht» [Wiemer, Giger 2005: 63].

на *-no-/-to-* грамматикализировались в польском языке (как пишет Б. Вимер, из-за высокой продуктивности безличных форм на *-no-/-to-* «польский — в своем роде выдающийся язык среди славянских языков»⁶) [Wiemer 2020: 294]), поэтому его рассмотрим немного подробнее. В польском от каждого (переходного и непереходного) глагола можно образовать форму на *-no-/-to-*, которая будет главным предикатом безличного предложения. Если глагол переходный, то объект при нем ставится в В. п. На русский такие формы обычно переводятся с помощью формы пр. вр. мн. ч., ср. примеры из [НКРЯ]: *śmiano się tam głośno* — ‘там громко смеялись’; *otwarto tę klinikę* — ‘эту клинику открыли’.

Чрезвычайно показательным кажется то, что форма на *-no-/-to-* может использоваться и в сослагательном наклонении, при этом всегда без глагола-связки, ср.: *Jeden z policjantów zastukał do drzwi i zażądał, żeby otworzono* ‘Один из полицейских постучал в дверь и потребовал, чтобы **открыли**’; *gwałtownie wojował o to, by wysłuchano jego opowieści* ‘страстно добивался того, чтобы **выслушали** его рассказ’. Отсутствие связки свидетельствует об усилении финитности формы. Сослагательное наклонение с ней образуется так же, как с *-л-*формой: частица *by* добавляется к форме прошедшего времени, являющейся финитной. Примеры такого употребления есть и в старорусских текстах. Два контекста были обнаружены в Гр. и еще несколько в Домострое (1500–1560) с помощью поиска в [НКРЯ]:

- (34) Гр. с. 189 и *с симъ гсдръ извоициком указы и сошли говорено б у меня поставит им декабря къ КЕ му числу*

— ‘и с этим, государь, извозчиком и пошли указы, (где) **бы было сказано** поставить им у меня к 25 декабря’. Здесь представлена безличная форма ср. р., в следующем контексте причастие согласуется с объектом:

- (35) Гр. с. 247 *изволиш гсдръ указы сылат об отпуске і сея гсдръ вѣдомость чтоб в указы введена бы*

— ‘изволь, государь, прислать указы об отпуске и чтобы это известие в указы **было бы вписано**’. С согласованными причастиями, однако без глагола-связки в сослагательном наклонении, мы видим в следующих примерах из Домостроя:

- (36) Домострой *а ветчано вѣжливо бы поплачено, ино сироткамъ пригодитца*

— ‘а старая одежда вся **бы** аккуратно **была** заплатана, потому что сиротам пригодится’;

- (37) Домострой *А что вѣсовое — то бы извешено, и всякой ссуды бы цѣна поставлена*

— ‘все весовое **было бы** взвешено, а каждый долг **был бы** оплачен’.

Аналогичные перечисленным ступени грамматикализации прошло бывшее СППВ в составе северо-западного перфекта. (От)причастная форма может согласовываться с объектом (*юбки-то сношены, коса завита, одни косточки оставлены* [Кузьмина, Немченко 1971: 21–22]), может стоять в несогласуемой форме ср. р. или м. р.⁷ при объекте в Им. п. (*курочка унесено, гнездовки налажено* [Там же], *в машину всё сгружен, Катя была брошен* [Ермолова 2022: 94]), может употребляться в несогласуемой форме ср. р. при объекте в В. п. (*коз моих затворено, сына поранено* [Кузьмина, Немченко 1971: 37]).

Итак, вне зависимости от того, грамматическим средством выражения какого значения становится СППВ, превращение его из причастия в специализированную грамматическую форму происходит одним путем: постепенной утратой согласования и возможностью постановки объекта в В. п. как при непричастной глагольной форме.

⁶ «Polish is somewhat outstanding within Slavic for ⟨...⟩ the development of highly productive subject impersonals» [Wiemer 2020: 294].

⁷ Обычно (см., например, [Трубинский 1983]) это форма рассматривается как усеченная форма ср. р., однако в [Ермолова 2022] предлагается ее интерпретировать именно как грамматическую форму м. р.

Таким образом, природа польских конструкций с формой на *-no-/to-* и рассмотренных русских конструкций как с согласованным, так и несогласованным СППВ, одна: в основе лежит превращение причастия в специализированную финитную форму, употребляющуюся тогда, когда не нужно указание на субъект. Поэтому представляется, что неверно разводить и считать разными явлениями, как это делается в [Moser 1998: 336–342], польские конструкции и русские с (не)согласованным причастием и объектом в Им. п., а единичные случаи русских примеров с причастием и объектом при нем в В. п. интерпретировать как полонизмы: они в равной степени могли возникнуть самостоятельно на русской почве. Все перечисленные типы — закономерные результаты развития нового грамматического значения.

Описываемый процесс может служить иллюстрацией трех из четырех сопровождающих грамматикализацию компонентов, которые описываются, например, в [Heine et al. 2019: 3]. Во-первых, это распространение в новых типах контекстов (*extension — use in new contexts*). Как было сказано выше, использование СППВ без связки в аористных контекстах — новое явление по сравнению с «исконным» состоянием, которое начинает получать распространение с XV в. Во-вторых — десемантизация (*desemanticization*), которая является следствием реинтерпретации формы, использовавшейся для выражения конкретного значения, как выражающей более абстрактное, грамматическое значение [Ibid.: 4]. Новое значение СППВ, безусловно, характеризуется большей абстракцией по сравнению со старым, т. к. не выводится из формы. Еще один компонент грамматикализации — декатегоризация (*decategorization*): утрата категориальных значений, присущих «старой» форме. СППВ перестает согласовываться с объектом, теряя свои прежние причастные характеристики, а затем начинает управлять именем и требовать после себя В. п. подобно любой непричастной глагольной форме. Кроме того, СППВ начинают образовываться и от непереходных глаголов, что было исключено прежде в связи с их пассивным значением. Потерю перечисленных грамматических характеристик расценивает как проявление грамматикализации СППВ в новом значении и Б. Вимер [Wiemer 2011], правда, в контексте формирования в славянских языках результатива на базе СППВ. Как, однако, было сказано выше, представляется, что процесс грамматикализации СППВ как в аористную, так и в результативную формы проходил одинаково.

Выводы

Старорусские тексты знают разные типы употреблений СППВ в аористном значении без глагола-связки в прошедшем времени: СППВ могут или согласовываться с объектом, или иметь при себе объект в Р./Им./В. п., или выступать главным предикатом безличного предложения. В современном литературном языке такие конструкции невозможны. По всей видимости, все описанные типы употреблений СППВ являются проявлением их грамматикализации, не осуществленной до конца в истории русского языка, в качестве финитной формы, при которой не нужно указание на действия. Опираясь на имеющийся материал старорусского языка, а также польского, в котором грамматикализация обсуждаемых форм была реализована до конца, можно восстановить следующие этапы этого процесса: СППВ начинает использоваться в претеритном значении, согласуясь с объектом, затем СППВ перестает согласовываться с объектом и застывает в форме ср. р., после этого объект может получать форму В. п. Кроме того, (от)причастную форму начинают образовывать и непереходные глаголы. Доказательством финитности рассматриваемой формы является возможность образовывать с помощью нее сослагательное наклонение с частицей *бы* без глагола-связки. Такое употребление является нормой в польском языке, оно было и в старорусских текстах. Следовательно, вопреки мнению [Moser 1998: 336–342], старорусские примеры с несогласуемым СППВ в ср. р. с объектом в Им. п. являются

отражением того же самого процесса, что и польские конструкции с неизменяемой финитной формой на *-no/-to-*, немногочисленные же русские контексты с объектом в В. п. следует расценивать не как полонизмы, а как закономерное проявление грамматикализации СППВ непосредственно в русском языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВК — Вести-Куранты

Гр. — грамотки XVII — начала XVIII в.

СППВ — страдательное причастие прошедшего времени

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вести-Куранты 1996 — *Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.* Издание подготовил В. Г. Демьянов. М.: Наука, 1996.

Грамотки 1969 — *Грамотки XVII — начала XVIII в.* Издание подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Беляков и др. 2019 — Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные). *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVII в.* Материалы международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). Лисейцев Д. В., Шамин С. М. (отв. ред.). М.: Ин-т российской истории РАН, 2019: 187–209. [Belyakov A. V., Gus'kov A. G., Liseitsev D. V., Shamin S. M. Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: The membership (preliminary data). *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI — nachala XVII v.*: Proc. of the international conf. (Moscow, 2019). Liseitsev D. V., Shamin S. M. Moscow: Institute of Russian History, 2019: 187–209.]

Болсохоева 1977 — Болсохоева А. Д. *Предикативное функционирование кратких страдательных причастий прошедшего времени в русском языке XVI–XVII вв.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. [Bolsokhoeva A. D. *Predikativnoe funktsionirovanie kratkikh stradatel'nykh prichastii proshedshego vremeni v russkom yazyke XVI–XVII vv.* [Predicative functioning of short past passive participles in 16th–17th-century Russian]. Candidate diss. abstract. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1977.]

Борковский 1968 — Борковский В. И. *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения.* М.: Наука, 1968. [Borkovskii V. I. *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh yazykov. Tipy prostogo predlozheniya* [Comparative-historical syntax of East Slavic: Types of simple sentence]. Moscow: Nauka, 1968.]

Борковский (ред.) 1968 — Борковский В. И. (ред.). *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения.* М.: Наука, 1968. [Borkovskii V. I. (ed.). *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh yazykov. Chleny predlozheniya* [Comparative-historical syntax of East Slavic: Parts of sentence]. Moscow: Nauka, 1968.]

Булаховский 1954 — Булаховский Л. А. *Русский литературный язык первой половины XIX века.* М.: Учпедгиз, 1954. [Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka* [Standard Russian of the first half of the 18th century]. Moscow: Uchpedgiz, 1954.]

Булаховский 1958 — Булаховский Л. А. *Исторический комментарий к русскому литературному языку.* Киев: Радянська школа, 1958. [Bulakhovskii L. A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary to Standard Russian]. Kyiv: Radyans'ka Shkola, 1958.]

Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.* М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual distinctions of Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]

Егоров 2019 — Егоров И. В. *Предикативные употребления пассивных причастий в русском языке XVIII–XX веков: грамматическая семантика и дискурсивные функции.* Магистерская диссертация.

- М.: МГУ, 2019. [Egorov I. V. *Predikativnye upotrebleniya passivnykh prichastii v russkom yazyke XVIII–XIX vekov: grammaticheskaya semantika i diskursivnye funktsii* [Predicative uses of passive participles in 18th–19th-century Russian: grammatical semantics and discursive functions]. MA thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2019.]
- Ермолова 2021 — Ермолова М. В. К вопросу о грамматическом статусе кратких форм страдательных причастий прошедшего времени в языке западнорусских летописей (в сопоставлении с материалом русских говоров и других славянских языков). [Ermolova M. V. On the grammatical status of past passive participles in the language of West Russian Chronicles (in comparison with the material of Russian dialects and other Slavic languages).] *Russian Linguistics*, 2021, 45: 123–142.
- Ермолова 2022 — Ермолова М. В. О некоторых особенностях употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в псковских говорах (на материале одного говора Опочецкого района Псковской области). *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2022, 81(2): 92–105. [Ermolova M. V. On the usage of perfect and pluperfect constructions in Pskov dialects of Russian (a study of one dialect in Opochetsky District of Pskov Oblast). *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2022, 81(2): 92–105.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Кортава 1999 — Кортава Т. В. *Московский приказный язык XVII в. как особый тип письменного языка*. Дис... докт. филол. наук. М.: МГУ, 1999. [Kortava T. V. *Moskovskii prikaznyi yazyk XVII v. kak osobyi tip pis'mennogo yazyka* [The language of Moscow Prikazes of the 17th century as a special written language variety]. Doctoral diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 1999.]
- Котков 1964 — Котков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник. *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века*. Котков И. С., Панкратов Н. П. М.: Наука, 1964, 11–12. [Kotkov S. I. Private correspondence as a linguistic source. *Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII — nachala XVIII veka*. Kotkov I. S., Pankratov N. P. Moscow: Nauka, 1964, 11–12.]
- Кузнецов 1948 — Кузнецов П. С. Из истории сказуемости употребления страдательных причастий в русском языке. *МГУ, филол. фак. Доклады и сообщения*. Вып. 6. М.: Изд-во Московского ун-та, 1948, 37–39. [Kuznetsov P. S. From the history of predicative use of passive participles in Russian. *MGU, filologicheskii fakul'tet. Doklady i soobshcheniya*. No. 6. Moscow: Moscow Univ. Press, 1948, 37–39.]
- Кузнецов 1950 — Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемости употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. *Труды Института русского языка*, т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, 105–166. [Kuznetsov P. S. On predicative use of passive participles in Standard Russian of the 18th and early 19th centuries. *Trudy Instituta russkogo yazyka*, vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1950, 105–166.]
- Кузьмина, Немченко 1971 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука, 1971. [Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participial forms in Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Кунавин 2014 — Кунавин Б. В. *Развитие системы страдательных причастий в древнерусском языке*. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2014. [Kunavin B. V. *Razvitie sistemy stradal'tel'nykh prichastii v drevnerusskom yazyke* [Development of the passive participle system in Old Russian]. Vladikavkaz: North Ossetian State Univ. Press, 2014.]
- Ломтев 1956 — Ломтев Т. П. *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. [Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays in Russian historical syntax]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1956.]
- Маслов 1959 — Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском языке. *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Бернштейн С. Б. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1959, 157–313. [Maslov Yu. S. Verbal aspect in modern Bulgarian. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Bernshtein S. B. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959, 157–313.]
- Мова беларускай пісьменнасці 1988 — Жураўскі А. І. (рэд.). *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст*. Мінск: Навука і тэхніка, 1988. [Zhuraŭski A. I. (ed.). *Mova belaruskaj pis'mennasći XIV–XVIII stst*. [The language of Belarusian writing of the 14th–18th centuries]. Minsk: Navuka i Technika, 1988.]
- Никифоров 1952 — Никифоров С. Д. *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [Nikiforov S. D. *Glagol, ego kategorii i formy*

- v russkoi pis'mennosti vtoroi poloviny XVI veka* [Verb, its categories, and its forms in written Russian of the late 17th century]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1952.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Трубинский 1983 — Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Неделков В. П. (ред.). Л.: Наука, 1983, 216–226. [Trubinskii V. I. Resultative, passive, and perfect in some Russian dialects. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedialkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 216–226.]
- Шевелева 2016 — Шевелева М. Н. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал, бывал, бирал* в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 2(32): 71–90. [Sheveleva M. N. Towards the history of grammatical semantics of Russian forms like *hažival, byval, biral*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 2(32): 71–90.]
- Heine et al. 2019 — Heine B., Kuteva T., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *Word lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Kowalska 1991 — Kowalska A. Przyczynek do ewolucji form *jest zabity, jest zabito, są zabity*. *Prace językoznawcze 19. Studia polonistyczne*. Kowalska A., Wilkoń A. (red.). Katowice: Uniwersytet Śląski, 1991, 100–107.
- Maier 1997 — Maier I. *Verbalrektion in den Vesti-Kuranty (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax*. Uppsala: Uppsala Univ., 1997.
- Moser 1998 — Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Lang, 1998.
- Wiemer 2011 — Wiemer B. Grammaticalization in Slavic languages. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Heine B., Narrog H. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 740–753.
- Wiemer 2020 — Wiemer B. Grammaticalization in Slavic. *Grammaticalization scenarios: Cross-linguistic variation and universal tendencies*. Vol. 1: *Grammaticalization scenarios from Africa, the Americas, and the Pacific*. Bisang W., Malchukov A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2020, 249–307.
- Wiemer, Giger 2005 — Wiemer B., Giger M. *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen: Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten*. München: LINCOM Europa, 2005.